

ТЕКСТЫ ДЛЯ КОНКУРСА В НОМИНАЦИИ «ПРОЗА»

Оксана Владимировна Анурова

Почемучка

У Андрюшки младший брат Алёшка – почемучка.

– А почему солнце спряталось? – спрашивает Алёшка.

– Его туча закрыла, – отвечает Андрюшка.

– А почему туча закрыла? – продолжает почемучка.

– Потому что дождь собирается?

– А почему дождь собирается? – не унимается Алёшка.

И так каждый день.

Однажды во дворе ребята играли в игру: «Сосед справа».

Игра заключалась в том, что ведущий задаёт вопрос, а игрок отвечает. Если игрок не знает ответ – говорит: «Не знаю», и вопрос переходит игроку справа. Отвечает неправильно – выбывает из игры. Выигрывает тот, кто остался последним.

Мальчики сели вокруг песочницы на детской площадке.

– Пусть он будет ведущим! У него всегда куча вопросов, – Андрюшка показал на брата.

– Да на его вопросы мы легко ответим, – усмехнулся Костя.

– А я так не думаю, – Алёшка деловито выставил ногу вперёд. – Я вам задам необычные вопросы! Начинаем игру. Первый вопрос:

– Какой рукой лучше размешивать чай? – выпалил Алёшка.

Первым с правой стороны сидел Сашка.

– Глупый вопрос, – ответил Сашка.

– Неправильно, так не отвечают, выходи из игры, – захлопал в ладоши Алёшка.

Сашка надулся и вышел из игры.

– В какой руке ложка, той и удобно, – уверенно ответил Костя.

– Правильно! – закричал ведущий и снова захлопал в ладоши.

Его радовал процесс игры, и неважно, выбывал кто-то из неё или отвечал правильно.

– Маленький, серенький, на слона похож. Кто? – придумывал новые вопросы Алёшка.

Следующим отвечал Дениска.

– Не знаю, – тихо сказал Денис.

– Мышонок, – выкрикнул Андрюшка.

– Не-е-е-ет, – замахал руками Алёшка. – Женька, отвечай.

– Муравьед, – ответил неуверенно Женька.

– А вот и нет, а вот и нет, – Алёшка радостно подпрыгивал на одной ноге.

Остались Костя и Денис.

Косте после первого вопроса стало понятно, что брат Андрюшки смышлёный малый и задаёт вопросы с подвохом.

– Слонёнок, – Костя важно обошёл вокруг песочницы.

– Правильно, – закричал Алёшка.

– Может ли страус называть себя птицей? – ведущий продолжал подпрыгивать, очень уж ему нравилась игра.

– Может. Это же птица, всем понятно, – Дениска по-дружески хлопнул по плечу Алёшку.

– Нет. Выходи из игры.

Алёшка радовался, что он задавал вопросы, на которые ребята не могли сразу ответить.

– Не может страус называть себя птицей. Страус не разговаривает, – ответил Костя.
– Победитель – Костя! – торжественно объявил ведущий.
– Алёшка, а почему ты такие странные вопросы задавал? – спросили ребята и засмеялись.
– А вы всё знаете. На все мои «почему?» отвечаете. А это – вопросы на смекалку! Необычные!

Что такое осень?

На переменке первоклашки толпились у окна и смотрели как с деревьев облетали огненно-рыжие листья.

– Что такое осень? – задумчиво спросила Тася.
– Осень – это когда природа готовится спать, – важно сказала Маша и вздохнула.
– Не спать! – возразил Вовка.
– Осень – это когда листья перекрашиваются! Вот летом они зелёные, а теперь – жёлтые, красные, оранжевые! Как мамина помада.
– А по-моему, осень – это когда все птицы улетают! – подпрыгивала за спиной долгоязого Сашки Лиза, чтобы увидеть листопад.
– Птицы все не улетают. Зимующие остаются, – Сашка сдвинул брови и укоризненно посмотрел на Лизу сверху вниз.
– Вы все не правы, – заявил Коля и поднял указательный палец как Игорь Иванович – учитель физкультуры. – Осень – это когда мама говорит: «Надень шапку, а то простудишься».
Ванька сунул руки в карманы брюк и важно пошёл в класс. Потом оглянулся и сказал:
– Да какая разница, главное, что после уроков можно шуршать листьями, ловить их руками и собирать гербарий!
Вдруг ветер с шумом встряхнул ветки, и на землю посыпался золотой ливень. Крики восторга заглушили спор первоклашек!

Поздравление

Весь вечер Тася готовила речь, чтобы поздравить бабушку с днём рождения. Исписала тетрадный лист со словами пожеланий и, довольная, легла спать.

Утром позвонила бабуле.
– Бабушка, с днём рождения! – торжественно начала Тася.
Бабушка, услышала голос внучки и запричитала: «Спасибо, внученька! Дорогая моя, будь здоровой, счастливой, умной девочкой...» И ещё полчаса бабушка перечисляла пожелания Тасе, которая слушала и думала: «Дни рождения перепутали? Может, сегодня я именинница?»
– Ой, бабушка! Запутала совсем меня. У тебя же сегодня праздник!
– У меня, внученька, у меня. Я тебе подарок купила, пирогов напекла, – и бабушка начала перечислять, что она приготовила к столу и какие всех ждут сюрпризы.
Вот такие они, бабушки – загадочные!

Четыре минуты

Ромке купили новый самокат. Он обещал Тасе дать на нём покататься и назначил встречу на два часа дня. Тася ровно в два часа сидела на скамейке в условленном месте. А Ромка ещё собирался.

К новому самокату он хотел надеть новую одежду! Мальчик перерыл все полки в шкафу, но, кроме новых носков, ничего не нашёл.

– Носки, уже хорошо! – успокоил себя Ромка. Собрал все разбросанные вещи и запихнул их в шкаф. Довольный вышел на улицу. И тут на него налетела с криками Тася.

– Ты знаешь, что опоздал на целых шестнадцать минут?! Четыре минуты осталось гулять! Мама всего на двадцать минут отпустила меня! – злилась девочка.

Ромка не успел ничего объяснить, а Тася уже наматывала круги на его самокате вокруг детской площадки. Мальчик бежал за подружкой и пытался рассказать правила пользования самокатом. Но у Таси было всего четыре минуты, и слушать правила ей некогда. Она набирала скорость, торопилась и... влетела в песочницу. Новый самокат тотчас стал похож на старый: краска ободралась, ручка погнулась. Сама Тася поранила коленки и снова заругала Ромку:

– Вот если бы ты не опоздал, мои коленки и твой самокат целыми были. Починишь самокат, завтра ещё покатаюсь. Только не опаздывать! Всё! Четыре минуты прошло. Я домой, – сказала девочка и убежала.

Ромка стоял растерянный и не понимал, почему Тася на него всё время сердилась. Обещание выполнил – принёс новый самокат. Она покаталась. Сломала его. А виноват во всём он!

Снежный комочек

Зима отступала. Снег потихоньку таял, но сугробы ещё лежали.

– После уроков кувыркаться в снегу будем? – спросил Мишка одноклассников.

– Будем! Будем! – радостно закричали ребята.

– Бу-у-у-удем! – заверещала громче всех Тася.

Тася обожала валяться в снегу. А главное, можно визжать по любому поводу, и никто не будет ругать за шум. Ей было всё равно, попадёт в неё снежок, или в Иришку. Толкнут её в сугроб, или Светку. Она визжала, даже когда просто смотрела, как валяются в снегу другие ребята.

– А-а-а-а! – вопила она, когда Сашка навалился на Серёжку, и они кувырком катились с горки.

– А-а-а-а! – кричала, когда девчонки не давали выбраться Мишке из сугроба.

– А-а-а-а, – визжа, аплодировала она мальчишке, когда он сумел вырваться из рук одноклассниц и закидывал их снежками.

И так Тася голосила, пока не случился казус.

– А-а, – то ли ещё раз завизжать, то ли что-то в очередной раз она хотела сказать, как в рот ей неожиданно угодил снежный комочек. Тася моргнула своими пышными ресницами и... проглотила этот холодный снежок, обратного хода, которому не было.

На следующий день в школу Тася не пришла. И целую неделю лечила горло. Желание визжать по каждому поводу на морозе, у неё пропало.

Тайна внутри

Шёл сильный дождь.

Старинный фонарь светил ярко. Прохожие поднимали головы и довольно улыбались.

Их маленькая улочка была самая светлая, а довольный фонарь старался изо всех сил.

Вдруг, что-то ударило о его стекло и упало вниз. Это был маленький светлячок.

Он сильно обжог крылышки, подлетев слишком близко, и теперь совсем не мог двигаться. Грустный, мокрый он сидел на траве и смотрел вверх. Фонарю стало жаль малыша. Он стал светить еле заметно и предложил бедняге обогреться внутри.

Так началась их дружба. Светлячок не мог летать и остался зимовать в своём новом друге. А тот, чтобы не обжечь его, практически не освещал улицу.

— Глупец, перегоришь. Так нельзя, свети на полную мощь, — говорили ему другие фонари.

Но он только улыбался и продолжал слушать рассказы своего нового друга о таинственных лесах.

Прошла зима. В один прекрасный день фонарь перегорел. Он очень расстроился, что его могут совсем заменить. Светлячок обещал помочь другу и улетел. Прошло три дня. Другие фонари упрекали его за глупость. Смеялись, что друг бросил его. Но он вернулся, и не один.

Множество маленьких светлячков заполнили фонарь, и он стал светить ещё ярче, чем прежде. Прохожие опять поднимали головы и улыбались.

Никто не знал, что уже много лет старый фонарь не может светить. Что каждую ночь сотни светлячков прилетают к нему и рассказывают свои интересные истории.

Никто не знал, что одна маленькая встреча изменила всё.

Это был последний фонарь на этой улице.

Остальные давно убрали. Остался один — самый яркий.

Василий Бугров. Под одним одеялом

Холодно. Они лежали под одним одеялом: бабушка, девочка, мама и рыжий кот Васька. Печка-буржуйка дожёвывала ножку стула, тепла почти не было. Девочка мечтала, чтобы папа с фронта вернулся и прогнал немцев, окруживших Ленинград.

Она отсчитывала минуты, чтобы получить заветный кусочек блокадного хлеба. 125 грамм, тёмного, тяжёлого, из обойной муки, жмыха, опилок, коры и клея блокадного хлеба. С каждым днём их паёк становился всё меньше. На кота, конечно, карточек не давали — Васька похудел, облез, но не бросил семью. Он оказался живым детектором: перед бомбёжкой начинал крутиться и мяукать. Хозяева хватали документы, кота и бежали в убежище.

В очередях за хлебом стояли по 8 часов, падая от слабости, а карточки зашивали в специальные пояса, чтобы не потерять. Но и этот крошечный кусочек хлеба не мог их спасти, а Васька смог!

Однажды кот пропал. Бабушка верила, что он вернётся, но сама уже еле стояла на ногах. Когда Васька вернулся, он принёс тощую мышь. Из неё они сварили суп, и это стало настоящим спасением. А Васька стал кормильцем: ловил крыс и мышей, хотя сам еле ходил.

Зимой столбик термометра опускался до -32° . Город замерзал. Но бабушка старательно собирала хлебные крошки всю зиму, как настоящее сокровище. А весной они

с котом охотились на птиц: рассыпая эту приманку. Васька прыгал на птиц, затем из кустов выбегала бабушка, потому что кот уже не мог удержать добычу. Так они и выживали вместе всю войну, и вместе встречали День Победы 9 мая. После войны Ваську, как самого дорогого члена семьи, кормили только лучшими кусочками мяса, никогда не забывали его подвиг и дали свою фамилию — Бугров.

До Луны и обратно

Шкаф, больница, сижу внутри. В одной руке — пирожки с вареньем, в другой — кот Котя. Их надо обязательно доставить Вере, грустной девочке из соседней палаты. Врач сказал: «Поправится нескоро, как до Луны и обратно, нужно чудо», и мы всем с классом решили ей помочь.

Договорились с медсестрой тётей Машей и незаметно осуществили наш план спасения, притащив кота и пирожки. Вера ожила, пила чай, тихо улыбалась, но в чудо уже не верила, тут нужен был новый план. Тогда мы решили добыть настоящий кусочек Луны, всю ночь не спали, думали, как это сделать, а на утро отправились в обсерваторию. Дважды заблудились, но доехали.

Строгий старичок директор выслушал и ради Веры подарил настоящий кусок лунного грунта, и мы помчались в больницу.

Вера спала, сегодня у неё должна была быть операция, а поправиться она могла только, если сама поверит в чудо. Мы тихонько разбудили её и показали камень. Её глаза загорелись, она сжала его и улыбнулась. Тут в палату зашёл врач, строго посмотрел на нас, а потом улыбнулся и сказал: «Достали до Луны и обратно! Вера, ты готова к операции?» — «Да! Теперь готова», — ответила девочка.

Та ночь была самой длинной. Мы не спали, переписывались с ребятами под одеялом, ждали утра. Операция была сложная. Доктор разрешил взять Луну в операционную. Нас не пускали к Вере 4 дня, но она поверила в чудо — и это было главное.

Прошёл год. Вера поправилась и учится с нами. Луну она отдала другому мальчику из соседней палаты, которому не хватало веры. Мы организовали команду и навещали тех, кто не верит в чудо, с вареньем и Котей. Тётя Маша пускала нас тайком.

Мы не знали, что доктор всегда знал про кота, видел хвост из-под одеяла и слышал наш смех в шкафу. Он тоже верил в чудо, просто не знал, как его найти. У взрослых так бывает.

Если очень захотеть — всё получится. Главное — верить, и важно, чтобы ты был не один. Тогда ты точно сможешь достать до Луны и обратно.

Из книги «АНЮТКИНА БЕРЛОГА»

Подвиг Потапа Потапыча

Зима казалась вечной. Февраль жадно проглотил последние крошки солнечного света, застывшие на продырявленном ледяном щите Ладожского гиганта. Но озеро стерпело и это. Куда сильнее его тяготили Анюткины слёзы.

Девочка стучала своими синими от холода кулачками по стеклу, набирающего скорость автомобиля и беззвучно кричала: «Мама. Мама... Мама!» Но мама умерла днём раньше. От голода и ещё какой-то неизвестной заразы. И всё, что осталось от неё на память, так это плюшевый мишка в клетчатой рубаше, с глазами из разных пуговиц и красной ниткой улыбки до ушей. Звали его Потап Потапычем. Когда Аня засыпала, мама укладывала Потапыча рядом на подушку и пела дочке колыбельную:

*«Спать не хочет бурый мишка,
Вот такой он шалунишка,
Я топтыжку покачаю,
Баю-баю, баю-баю.
Ты ложись-ка на кроватку,
Спи мой мишка сладко-сладко...»*

Мамина мелодия крутилась у Анютки на устах на протяжении всего этого изнуряющего пути. Сегодня и она покидала родной Ленинград по ледовой «Дороге жизни», проложенной по Ладожскому озеру во имя спасения. Дело в том, что Ленинград попал в блокаду. Это случилось в 1941 году, с началом Великой Отечественной войны. Фашистские войска напали на Советский Союз. Испепеляя всё на своём пути в бой их вёл человек с волчьим именем и голодным оскалом. Весь мир трепетал перед одним его взглядом. Города и страны сами открывали ему свои ворота, безропотно покоряясь. Вот только он не учёл одного:

– Мы будем держать оборону до последнего солдата! За Ленинград! – пообещал Анюткин отец и в составе стрелковой дивизии добровольцем ушёл на фронт.

Через год в семью Шишкиных с первым жёлтыми листьями прилетела похоронка: Анюткин отец погиб на «Невском пяточке». А блокадное кольцо всё не слабело. В небе над Ленинградом день и ночь кружили фашистские истребители, сбрасывая бомбы куда не попадая. Голод и нищета множили страх и болезни среди мирных жителей. Люди умирали на улицах от холода, обстрелов. Но город жил! По-прежнему ученики ходили в школу. Мама Анютки трудилась учительницей младших классов. В театрах до хрусталя прозрачные актёры давали спектакли. Работал и ленинградский зоопарк. О «Дороге жизни» Анютка слышала от приятельниц в школе, но и подумать не могла, что сама однажды отправится в неизведанный путь. Никто не знал, сколько ещё продлится война. Скольких людей унесут болезни и голод. «Дорога жизни», которую между собой офицеры величали Военно-автомобильной дорогой под номером 101, вела к вокзалу, а там в Сибирь. В тыл, в укрытие, где хозяева севера могли и приютить, и обогреть измученных матерей, стариков и детей.

Анютка глядела через серое окно на вереницу чёрных машин, там ехали такие же как она ленинградцы, и плакала. Далеко за февральской моросью, в густых клубах бесконечного дыма, в тесном дворике на старой Фонтанке, где-то между кустом поредевшей сирени и жёлтыми качелями осталось её детство. Ещё немного, и она бы выломала автомобильное стекло, понеслась обратно без шапки, без шали. Но небо содрогнулось. Ладога застонала. Тучи прорвала стальная стая крылатых акул – вражеские истребители «Мессершмитты».

– Не бойся, мишенька, – прошептала девочка и закрыла ладошкой Потапычу глаза.

– Держись там, – скомандовал офицер за баранкой, – Вырулим, – и дал газу.

Истребители открыли по «Дороге жизни» огонь. Молодой офицер ловко лавировал между рыжими комьями вспышек. Анютка зажмурилась и повторяла: «Не бойся, не бойся... как страшно!» В этот миг с неба в автоколонну полетели снаряды. Загрохотало. Ударная волна разбила Анюткино стекло и с оглушительным писком осколки посыпались в кабину. От ужаса девочка потеряла сознание. И дальше всё, как в бреду. Возня, крики, туман, стук колёс, напоминавший биение большого горячего сердца. Анютка очнулась в эшелоне. На станции «Большая лапа». Перед ней лежал не похожий на себя Потап Потапыч. Могло показаться, что его растрепали собаки, или целая

стая нильских крокодилов. Но Анютка знала наверняка, что все эти плюшевые тряпки с ушами и треугольниками пёстрых заплат и есть её мишка.

– Он спас тебя. Ценой своей жизни. Осколки как полетели-полетели, а он всё на себя принял. Теперь чини, – неожиданно сказала седая женщина в полосатом пальто, – Мы с сестрой ехали с тобою в машине, но ты внимания на нас не обращала. Я – Клавдия. Мы с Людмилой на следующей станции сойдём. Там говорят и работу дадут. А ты, красавица, приехала!

– Куда? – собирая по тряпицам Потапыча, прошептала Аня.

– В Сибирь.

– А Ленинград? Далеко до Ленинграда? – дрожащими губами произнесла девочка.

– Если верить машинисту, почти три тысячи километров, – улыбнулась тётка Клава, – Выходи, давай, тебя ждут. Погоди, вот, – и она сунула Анютке в руку скомканный листок, где синими поблекшими чернилами кто-то красиво вывел «Анна Иванна Дубовская. Будет в тулупе с красной звездой. И валенках на босу ногу».

– Что это значит? – вжавшись в скрипучую полку, спросила Аня.

– Так! Кто здесь Шишкина Анна Брониславовна? – строго позвала, ворвавшаяся в вагон проводница, – С вещами на выход. Вы спасены. Вас ожидают!

– Я не хочу на выход. Я домой хочу, – на ходу протараторила девочка. Но не успела она и зацепиться за дверцу поезда, как оказалась в «Большой лапе». Поезд загудел, колёса по-совиному заухали, деревянные шпалы подняли в воздух едрёный запах прошлогодних трав и чужой земли. Ветер сжалился над гостьей, и махом переделался из северного в южный. Ласково уложил растрепавшуюся Анину чёлку с бока на бок. Аня запахла своё не по сезону тонкое голубое пальто и услышала:

– Ну, здравствуй! Я Анна Иванна. Тётя Нюра. Стало быть, мы с тобой тёзки. Добро в Сибирь пожаловать! Давай грузиться, а то простынешь!

Лучи сибирского янтарного солнца ослепляли. В воздухе кружили озорные мухи – снежинки. И незнакомая женщина, назвавшая себя Анной Ивановой, явно претендовала на роль доброй феи из сказки про «Золушку». Только Аня ей не верила. Она вообще больше не верила в сказки. Женщина тем временем протянула к ней руки. Широкие и сухие, чуть желтоватые ладони напоминали кленовые листья. Анна Иванна была коренной сибирячкой с виду лет шестидесяти. С густыми пепельными волосами, обрезанными по уши. Крупными, утрированно чёткими чертами лица и рысьими зелёными глазами. На ней и впрямь оказался тяжёлый овечий тулуп нараспашку, из-под него виднелось летнее платье, усыпанное мелкими васильками. Голову покрывала бобровая шапка-ушанка, а на голых ногах красовались добротные валенки.

Аня и представить не могла, что обувь зимой можно носить на голые ноги, да ещё почти что в лесу. Но Анна Иванна ничуть не замёрзла, напротив, от неё исходило такое тепло, каким разом можно было обогреть все дома Ленинграда. Понимая это, Аня отчего-то скупно и чуть пятясь, сказала:

– Мы не тёзки. Анна Брониславовна, будем знакомы. Меня к вам надолго?

Анна Иванна и виду не подала, что смутилась, а лишь с лёгкостью подхватила Анюткин худой саквояжик и зашагав к издававшему виды грузовику, бросила:

– Война закончится – домой поедешь! Прыгай в тачку.

– А она закончится? – оглядываясь на опустевшую железную дорогу, пробубнила девочка. И вяло заползла в зелёный грузовик. Тётя Нюра уже сидела за рулём и без какой-либо обиды наблюдала за гостьей.

– Закончится-закончится. Я тебе больше скажу: наши победят. И Ленинград твой никуда не денется. «Выстоим!» – сказала сибирячка и, затворив дверь, завела мотор. Поехали.

Анютка, отвернувшись к заснеженному окну, озлобленно пробурчала:

– А что вы знаете о войне в своей Сибири? Сидите тут в тылу в своих вот этих тулупах, тепло вам. Солнце у вас вон какое, всё солнце яркое себе забрали. В Ленинграде ни лучика... В Ленинграде война! А мама и папа... – и тут девочка зарыдала. И так горько, что тётя Нюра хотела сначала её пожалеть, как-то за Сибирь оправдаться. Да вместо этого тихо запела:

*Там, в саду, при долине громко пел соловей,
А я, мальчик, на чужбине позабыт от людей,
Позабыт-позаброшен, с молодых юных лет
Я остался сиротою, счастья-доли мне нет...*

Анютка не слушала. Она смотрела на снежную дорогу и примерно прикидывала, что до Ленинграда отныне не около трёх, а наверняка больше трёх тысяч километров.

- А это что у тебя за тряпка? – вдруг, как сквозь сон, гаркнула тётя Нюра.
- Это не тряпка! А Потап Потапыч... Он герой! Починить бы его...
- Починим героя! – рассмеялась тётя Нюра и повернула руль вправо.

БОЛЬШАЯ ЛАПА СИБИРИ

Где-то весна 1943

На главной карте страны деревня «Большая лапа» не значилась. Изумрудные сосны и владычицы здешних земель – пышнобровые ели будто нарочно спрятали её от любопытства человеческих глаз. Ясно одно: затаилась она на расстоянии двух песен от железной дороги и у трёх хмурых сосен направо. Там же дремали и затянутые серебристым льдом рыбные озера. Кто в них только не водился: жирные золотые караси, рыжехвостые щуки, стерлядки. Сплетницы – белки скакали по извилистым ветвям вековых дубов, небрежно сбрасывая снежные маковки на кабину тарахтящего грузовика тётя Нюры. Снегири, торжественно начистив свои малиновые мундиры, высадились пернатой компанией на воротах деревни и приветствуя гостью зарыбились ярче огней новогодних гирлянд.

Анютка молча дивилась всему, что видела.

– А снегири настоящие? – вырвалось у неё, когда грузовик, преодолев свежий сугроб, въехал в деревню. Снегири вспорхнули всей стаей и не то рассмеялись, не то расширились.

На лобовое стекло опустилось малиновое пёрышко с ноготок. Аня прильнула к нему своим носом, но грузовик снова подпрыгнул на кочке и пёрышко, отстав от стекла, унеслось дальше.

– Выходим, Анна Брониславовна! Первый дом от колодца, – объявила тётя Нюра, – Выходи – выходи! А-то мне ещё Мухтарку Гришке отдавать. Эх, славно поработал, дружок! Пять годков, совсем взрослый, – с грустью присвистнула Дубовская и похлопала грузовик по кабине.

Тут и Гришка подоспел. Как из сугроба возник. Он оказался кучерявым офицером в таком же, как у тётя Нюры тулупе с красной звездой и в высокой казачьей шапке. Гришка жарко обнял тётю Нюру, взял ключи от грузовичка и бросив «Победим!» – с грохотом унёсся из деревни.

– Куда это он его? – почти равнодушно спросила Аня.

– Мухтарку-то? – отпирая дверь дубового дома улыбнулась тётя Нюра, – На фронт. Там каждая машина на счету. А не пойдёт на поле боя, так продаст. А рубль на фронт. Хорошая машина была, а так ещё лучше будет. Вчера вот коз в город свезли с Алсу Палной, продали. Молоко полезное с них, шерсть тёплая. Коз продали – рубль на фронт. Главное в бумаге указать на что рубль. Мы деревней на танк собираем. Если не хватит корову продам. В прошлом году только картошки одной на пол танка хватило. На другую половину с другой деревни просили. В мае ещё картошки посадим. Мужиков у нас не осталось. Все на войне... В «Большой лапе» только девки и дети. И дед Тихон, но ему почти девяносто. Вот твоя комната, Анна Брониславовна.

– И что мне здесь делать? – глядя в пол, спросила девочка.

– Попробуй жить! – пожала плечами тётя Нюра, – Но только после обеда!

Из книги «СТО ЛЕТ ДЛЯ ДОРО»

Да, чайки уже не те... Толстые, прожорливые и все на одно лицо. Ты погляди! Так и просят, так и вымаливают! А орёт-то! На вот. Почти весь батон растащили. Ну, подите-ка теперь, подите. Тошно от вашей болтовни. Небо-то вон какое — алое! Будто проказник-невидимка разбрызгал на нём свои краски, а теперь смеётся! Ну, чего не летите?! Летите же. Кыш, кыш, кыш! Эх, как хотите. Вы ведь меня не знаете, молодые ещё... Да я и сам временами себя не узнаю. Гляди-те — сморщился весь: нос, щёки, и руки тоже... Мне, братцы, завтра сто лет исполнится. К полудню. Вот как пушки ударят, так, считайте, родился Саша Перов. А вам-то и дела нет! Родился и родился. Помер так помер. Вы ведь чайки. Дай рыбу, дай рыбу! Что вы ещё знаете? То-то же... А он был другим. Понимаете... Тоже чайка, а другой! И глаза у него были большие-большие. Как две лесные ягоды. Смотрит на тебя и молчит, а сам всё понимает. Умный, как пёс. А хитрый какой! Сто лисиц против него поставь, а он хитрее. Дружили мы... Он со мной по-человечески, и я с ним по-человечески. Ах вы, паразиты! Учужали, однако... Обжоры. Думал, в карман сухари спрячу, так вы и не помыслите. А вы вон что! Ну, ловите. Одному! Второму! А ну-ка, не воруй у маленького! И вот тебе, толстопузый! Эх... не птицы — звери.

... Я его здесь встретил. Помнится, день был такой смурной. Сентябрьский. Над Малокаменной крепостью висел туман. Мы с мальчишками играли в казаки-разбойники. Мне нравилось быть

разбойником. Я убегал. А жили мы тогда на улице Деревенской Бедноты. Сейчас это улица Куйбышева. До Лисьего островка добегали минут за пять. Там и играли, на берегу реки Невы. Особенно когда тепло было! Бабуля и дед говорили, что детям там не место. А мы думали, что в крепости водятся привидения. Воображали себя рыцарями. В общем, всё по-детски логично. В тот день погода не ладилась. Ветрище дул — жуть! Я запыхался и решил перевести дух у воды.

Страшная Невушка тогда была, непричёсанная, чумахая. Волнами о камни била, словно бранилась. Я присел у воды, помочил руки. А сам надыхаться

не могу! И от шумного своего дыхания ничего вокруг не слышу. Да ещё замёрз!

Вдруг позади пёс залаял, да не просто пёс, а тот бандит, что наших кошек любил гонять. Орёт, аж хрипит. И тут же я услышал чей-то писклявый голосок. Похож на кошачий, но пищал точно не котёнок. Я побежал на шум. Смотрю: пёс стоит над каким-то пёстрым комком и лает, а лапой прижимает его к камням. Зубы скалит! Я боюсь подойти — вдруг этот злыдень меня цапнет. Но и комочек жалко! Закусил я губу и побежал на пса что было духу.

Как закричу! Все слова вспомнил, что дед на кухне порой употреблял. А в руке, помнится, камень зажал, если б пёс напасть вздумал. Но лохматый дикарь отступил. Ощетинился, глянул на меня волком и... бросился бежать!

Я с осторожностью опустился на колени. Гляжу — передо мной крошечный птенец лежит. И то ли жив он, то ли мёртв — не понимаю. Я его по мягкой грудке погладил. Не двигается. Слёзы на глаза накатились, и вот стою уже взрослый мальчишка, школьник, и плачу! А как только глаза раскрыл пошире, так удивился: птенец-то с одним крылом! То есть второе, правое, как бы есть.

Но... всё же его нет. По-человечески это, наверное, называется инвалидностью. И не пёс ему крыло оборвал, а такое оно и было. Погладил я этот странный отросток, где могло красоваться второе крылышко. Рассмотрел. Грустно как-то на душе стало. Схватил я птенца — аккуратно так, чтоб не помять, — и пустился во весь дух к звериному доктору. Он у нас на всю округу один был!

Доброе сердце

Жил-был маленький слонёнок. Звали его Тошка. Он совсем не нравился самому себе.

«У меня длиннющий нос, огромные уши, короткие ноги-столбы и очень неприятный голос. И сам я толстый и неуклюжий — думал слонёнок — ну кто захочет дружить с таким?»

Поэтому, он всегда гулял один и даже не пытался подходить к играющим ровесникам.

Однажды, гуляя недалеко от дома, слонёнок услышал страшный вой.

«Что такое? — подумал он, — пойду-ка погляжу, кто так воет»

Тошка вышел на поляну и увидел зайчиху. Вся дрожа, она стояла на задних лапках, а сзади жались к её спине пятеро крошечных зайчат.

Зло завывая, к ней подступали трое огромных волков. Слонёнок набрал побольше воздуха, выскочил прямо перед хищниками, да так затрубил, что у волков заложило уши. Он так грозно затопал ногами, что земля задрожала и волки, поджав хвосты, убежали в лес.

Бедная зайчиха не знала, как благодарить храброго слонёнка!

На следующий день, прогуливаясь по лесу, он услышал чей-то тоненький голосок и плач и сразу побежал туда. На самой верхушке дерева слонёнок увидел маленького котёнка. Заигравшись, малыш забрался на самую высокую тонкую веточку, и теперь висел на ней, едва-едва держась, и плакал. Внизу собрался лесной народ. Там же была и мама-кошка, которая тоже плакала и кричала малышу, чтобы он держался. Влезть на дерево она не могла, иначе веточки, не выдержав двойного веса, могли обломиться. И тогда случилась бы беда. Все ждали спасателей, а лапки котёнка все слабее сжимали ветку.

Слонёнок быстро подошёл, осторожно снял малыша с ветки и потом, как на качелях, покачал его на своём хоботе. Котёнок успокоился, вытер лапками слёзки и стал хохотать. Мама-кошка обняла находчивого слонёнка и пригласила его к себе на чай в ближайшие выходные.

Неделя промелькнула быстро. В воскресенье Тошка надел свой лучший наряд и пошёл в гости. В первый раз в жизни! Он был счастлив и представлял, как весело они с котёнком проведут время! Тошка уже переходил через ручеёк и видел дом своего нового друга, как вдруг его нос уловил какой-то странный запах. Слонёнок принюхался. Так и есть — пахло гарью!

Быстро набрав полный хобот воды в ближайшем ручейке, он кинулся назад, туда, где виден был дымок. Подоспел он как нельзя вовремя: два маленьких бельчонка, пока не было дома родителей, баловались спичками и нечаянно зажгли свою кроватку. Пожар вспыхнул мгновенно и бодро стал пожирать всё в беличьем домике. Бельчата задыхались, кричать у них уже не было сил. А огонь выбирался из окна и с жадностью поглядывал на весь лес.

Тут подбежал слонёнок, залил водой огонь, вытащил насмерть перепуганных бельчат и уже рассказывал им сказку, когда примчались родители-белки и все их многочисленные родственники.

Как они благодарили смелого и находчивого слонёнка! Они не хотели его отпускать! И каждый лесной житель непременно хотел видеть его у себя в гостях.

Прибежало на шум и кошацье семейство, и мамаша-зайчиха со своим выводком. Все опять стали благодарить слонёнка за то, что он спас лес от гибели. Они говорили, что гордятся тем, что в их лесу живет такой слонёнок, хотя и маленький, а настоящий герой — смелый, храбрый, находчивый, не равнодушный к чужой беде!

А назавтра у слонёнка был День рождения и к нему явились все обитатели леса! Зайчики принесли мешок моркови, кошка — большущий букет цветов, а белочка испекла огромный торт с орехами на котором было написано «САМОМУ ЛУЧШЕМ, ДОБРОМУ, КРАСИВОМУ СЛОНИКУ НА ЗЕМЛЕ ОТ ДРУЗЕЙ С ЛЮБОВЬЮ!»

А слонёнок? Он не зазнался, нет! Он был просто счастлив, как никогда!

И ещё он понял, что настоящая красота—это доброе сердце.

Философ из третьего "а"

Началось это всё после обеда, еще в школе. У меня ни с того ни с сего страшно разболелся зуб! Я долго мучился и терпел. Недолголюбиваю я зубных врачей почему-то ... Но это - не главная причина. Я — мужчина, значит должен уметь терпеть боль, как говорил папа. К тому же, завтра - пятница, и я должен был пойти на День рождения к Лешке. А Лешка— мой единственный друг. Кроме того, на День рождения к Лешке должна была прийти Янка из пятого класса. Видели бы вы, какая она красавица, сразу бы всё поняли.

Янка нравилась и мне и Лешке. Все мальчишки уважают её. Янка—спортсменка. В свои двенадцать лет имеет уже пояс по каратэ и разряд по плаванию! Эх! Я вздохнул и потрогал мышцы на руках. Нет толку, от того, что я отжимаюсь по двадцать раз и подтягиваюсь десять! Мышцы все равно не растут! Руки и ноги растут, тонкие, как у маленького, сам худющий, да еще и нос обгорел, облупился на солнце и выглядит, как треснутое вареное яйцо! Кстати, еще: я— третьеклассник! К тому же у меня ужасная фамилия— Вилочкин! Вроде не такая уж и некрасивая фамилия, но, это как сказать... если к тебе наглухо прикрепилось прозвище «вилка», то...ну, не очень всё это нравится.

И, вдобавок ко всему, зовут меня— Василий. Красивое имя, если меня называть Василёк, как мама и бабушка зовут, или Васёк, как папа. Но в школе злые языки за спиной меня зовут Пушок. Да-да. Ну, улавливаете связь: «Васька-кот-Пушок»! Это еще и намек на мои пушистые белые кудрявые волосы. За что мне это всё?! Вот вырасту — налысо постригусь! Теперь вот подумайте: разве Янка посмотрит в мою сторону! Я для неё— просто микроб!

Дома, вечером, зуб ныл так, что слезы наворачивались на глаза, и ноги сами понесли меня к маме.

—Маам! Не спишь?

—Что случилось, сынок?—спросила мама, выходя из спальни, — Ой, да ты почему такой красный? Заболел? Давай-ка температуру померяем.

—Зууб!— сказал я, стараясь держаться.

—Давно болит?

—С обеда

—Эх ты, почему раньше не сказал? Сходили бы к врачу. А ну, открывай рот!— скомандовала мама.

Она внимательно осмотрела все мои зубы и сказала:

—Кариеса нет. Мы же все вылечили. Наверное, десна воспалилась. Красная и припухла. Сейчас дам тебе отвар коры дуба, пополощешь и спать, а завтра к врачу.

Мама пошла на кухню, открыла кран с холодной водой и стала набирать воду, и потом что-то искала в шкафчике с лекарством, который стоял у нас на кухне. Я сидел с градусником под мышкой и перевязанной щекой. Сам перевязал. Видел в одном старом фильме, как один дяденька перевязывал так больной зуб. Даже фамилию его помню— Вицин. Было смешно и забавно. А сейчас подумалось: вдруг подвязывание помогает и решил попробовать.

Мама вернулась минут через пятнадцать и сказала:

—Давай градусник! Вот отвар коры дуба тебе сделала и остудила. Полощи рот интенсивно, как можешь, а потом набери немного в рот и поддержи за щекой, там, где

больной зуб, подольше. «Лечебную ванну» ему устрой. Если это десна, тогда точно поможет. Уникальный отвар! Помогает при многих болезнях!

Температура была, как мама сказала, "субфебрильная"—37.0.

И я пошел полоскать рот, а мама — спать, так как ей рано на работу завтра. А еще вставать рано, мне еду готовить. Мама всегда готовит свежую еду, так как у меня "капризный" желудок.

Я полоскал, полоскал, а в голове у меня крутилось одно: откуда вообще берутся фамилии? Вот, например, Вицин. Наверное, его пращур (звучит -то как страшно —как ящер!) носил имя Витя. Может, его стали называть Вица, так как он сам не мог выговорить своё имя из-за дефекта речи. Так бывает. Не выговаривал звуки. Другим людям показалось это забавным, вот и стали все так называть Витю, не обращая внимания на то, нравится это ему или нет. Дети его уже были - чьи? Правильно, Вицины! И внуки -правнуки тоже. Так и получилась, наверное, эта фамилия. Понятно всё с фамилиями Столяров, Бочаров, Кожемякин и со всеми остальными, которые пошли от названия профессий. Вот, например, Головин есть у нас в классе. Или очень умный был, или, может, начальником работал. Или взять мою фамилию. Наверное, мои предки изобрели вилки, а, точнее, маленькие вилочки для десертов вроде тортов и пирожных. Но мне-то от этого изобретения не легче! Лучше бы я был Львов или Волков или Громов. Ведь есть же у людей фамилии! Я завистливо вздохнул и начал опять полоскать.

А вот есть фамилии, которые вообще не ясно откуда берутся. Например, Пузырь. Да, да! Есть такая фамилия! Наверное, его "пращур" был всегда не в духе и надувался, как пузырь.

Я хихикнул, представив себе " надутого" дедушку с длинной седой бородой, лохматыми бровями и носом картошкой. Я закончил процедуру полоскания и улегся в постель в надежде уснуть. Но не тут-то было! Я повернулся на бок и продолжил философствовать. Вот всегда вечером не могу уснуть, потому, что в голову лезут разные мысли. В эти моменты меня одолевают думы: от повседневных до устройства Вселенной и смысла жизни. Такой я человек. Ничего поделать с собой не могу. И почему днем не подумать обо всем этом, а ночью бы как следует выспаться ? Нет же, надо половину ночи не спать! А потом сижу на уроках "как курица на насесте", как говорит мама. И неправда, я видел у бабушки в деревне, как сидят, нахохлившись, куры на насесте и, закатив глаза, затянув их какой-то белой пленкой, дремлют. Совсем не похож я по утрам на них. Да и пленки этой у меня на глазах нет. Специально вчера брал маленькое зеркальце у мамы из сумочки, чтобы посмотреть внимательно на себя, когда засыпаю.

Я опять повернулся на другой бок, лицом к окну, и стал рассматривать фонарь за окном и додумывать свою мысль.

Разные открытия носят имена или фамилии тех, кто чем-то прославился. Еще, знаю, фамилиями героев называют улицы, города, поселки. Хорошо, если бы моей фамилией назвали город! Или, хотя бы, улицу в городе! Ну или именем. Все же Василевск лучше звучало бы, чем Вилочкинск! Но, для этого нужно совершить геройский поступок. Например, летом, на пляже, спасти тонущего человека! А лучше бы- Янку! Ой, у неё же разряд по плаванию! Ну, тогда бы, вот мы с ней с парашютом бы прыгали, а у неё парашют бы не раскрылся, а я бы её догнал в полете, прыгнув за ней и подхватил её рукой, и мы бы опустились, без проблем, медленно, на землю. Или вот: злой человек захотел бы угнать самолет, на котором мы летели, и даже связал бы летчика. А самолет летел над городом, и я, обезвредив террориста, взял бы управление на себя, и спас бы всех, кто летел, и даже город спас бы от крушения самолет. Тогда, точно бы назвали город этот моим именем. То есть фамилией. Или нет, лучше, все-таки, именем.

Вот тогда бы Янка сто раз подумала, почему не замечала раньше меня. А я бы, с медалью на груди, на неё посмотрел покровительственно и сказал: «Со мной ничего не бойся, детка!». Я даже привстал с кровати, представив её изумление. И все тогда бы стали

просить прощения за то, дразнили меня Пушком. Пушок-то оказался бы тигром! Или леопардом! Каждый хотел бы пожать мне руку! Я мечтательно улыбнулся.

А зуб-то не болит вдруг понял я. Вот так отвар! Как мама назвала его? Отвар Корэдуба?

Я знаю, кстати, фамилию Кожедуб. Дедушка рассказывал мне: Иван Никитович Кожедуб —летчик, Герой, который во время Великой Отечественной войны сбил очень много фашистских самолетов. Трижды Герой Советского Союза, Маршал авиации!

А кто такой этот Коредуб, именем которого назван отвар? Может, врач или профессор какой-то ?А может, исследователь?

Я же говорил, такой уж у меня характер: если что в голову втемяшится, то буду об этом потом думать и думать. Мысли мои обычно, обрастают "картинками" в моем воображении и, иногда получается, целые "фильмы" в голове складываются!

Так и сейчас. В моем воображении отважный профессор, исследователь и путешественник, по фамилии Коредуб, пробирался со своим отрядом друзей -геологов через непролазные джунгли. Они искали следы таинственной цивилизации прошлого. И нашли целый город! Огромные колонны, амфитеатры, подземные сокровищницы, древние письма на папирусе, или высеченные на стенах подземелий. Они, наверное, нашли какое-нибудь сооружение, помогающее телепортироваться в другие измерения. И, обязательно, было какое-нибудь заклятие, запрещающее выносить что-либо из сокровищницы...

Передо мной уже простирался целый мир: я видел, как один из ученых, проигнорировав предупреждение, взял крупный бриллиант с собой, как после этого вся группа ученых заблудилась в джунглях, как люди гибли от страшного, преследовавшего их Стража подземелья, как отважный Корэдуб и горстка его последователей сохранили здравомыслие и здоровье благодаря изобретенному им отвару, и, вернув злополучный камень на место, нашли дорогу к дому. Как выбрались из джунглей и люди, давно уже считавшие их погибшими, очень удивились тому, что они не только живы, но и абсолютно здоровы, со здоровыми и крепкими зубами!

Здесь, я, кажется, начал засыпать, и мне снился отважный Корэдуб с ослепительной улыбкой, как в рекламе зубной пасты по телевизору. Вокруг него все рукоплескали и кричали " Ура -Корэдубу! "

Проснулся я от того, что солнце светило прямо в глаза, и сразу чихнул. Я всегда чихаю от солнца. Зуб не болел. Наверное, это вчера, всё же, болела десна. Я вспомнил, что сегодня пятница, Лешкин День рождения, и придет еще Янка , и настроение мое стало еще радужнее.

—Мама! —закричал я! —Я проснулся!

—Хорошо!— послышался голос мамы из кухни, —иди кушать!

На завтрак были мои любимые оладьи со гущенным молоком. Ну, не утро, а сказка!

—Мама, —сказал я с набитым ртом,—а кто такой Корэдуб?

—Кто?—спросила удивленно мама.

—Корэдуб— это кто? Врач? Исследователь? Профессор? Ну, ты вчера мне зуб полоскать давала «отвар Корэдуба».

Мама посмотрела на меня и вдруг расхохоталась. Она села рядом со мной на стул и обняла меня.

—Это ты поэтому вчера всё ворочался и вздыхал полночи? Решал, кто такой Корэдуб?

—Ну, ты же меня знаешь—сказал я .

— Я тебе давала полоскать отвар коры дуба. Дуб —это дерево такое. Отвар его коры!

И мама опять засмеялась, увидев мою сконфуженную физиономию, потрепала меня по волосам и сказала:

— Ничего! Познавая мир лучше познаешь себя! Самопознание—путь к постижению истинного блага!

— Чтоооо? —спросил я, перестав жевать.
—Собирайся в школу, Сократ!
—Сократ? А кто такой Сократ? —спросил я, совершенно забыв про завтрак, и, кажется, про День рождения тоже!
—Эх, пропал День рождения! —засмеялась мама.

Вороний интеллект

Был солнечный апрельский денек. Уже просохли все дорожки и тропинки, однако, прохладный весенний ветерок напоминал, что совсем недавно лежал снег, и красавица зима не спешила уступать своё место взбалмошной девчонке- весне. Я наслаждалась видом набухших почек, готовых вот-вот распахнуть свои плащики и предстать перед миром в нежной зелени листочков.

Из состояния умиления меня вывело назойливое карканье вороны. Я невольно оглянулась и увидела, что совсем недалеко, рядом с небольшой, но, кажется, довольно глубокой лужицей, сидели три галки, а поодаль наблюдала за ними большая ворона. Лужа была почти абсолютно круглая, как будто в круглый тазик налили воды. Галки переглядывались и словно переговаривались меж собой негромко. Они вертели головой и внимательно смотрели на воду то одним, то другим глазом. Вот одна боком подскочила к луже и лапой попробовала воду, не холодна ли? И мигом отпрыгнула в сторону.

Вторая птица, увидев, что вода не понравилась её подруге, тоже опасливо отошла. Третья же, честное слово (!), победно взглянула сначала на одну, потом на другую свою товарку и, храбро разбежавшись, кинулась в воду! Причем нырнула туда, как утка, с головой! Она буквально несколько секунд побултыхалась в луже и пулей выскочила на берег. Судя по её виду, водичка была холодновата. Две галки с разных сторон с удивлением стали рассматривать нахохлившуюся «моржиху». Я затаила дыхание. Сцена, происходящая в нескольких шагах от меня, была настолько комична, что я с трудом сдержала смех!

Ворона, сидевшая поодаль, громко каркнула. С соседних деревьев слетелись такие же чернухи, перекинулись несколькими «фразами» и уставились на храбрую галку. Потом всем «коллективом» вороны дружно подлетели к месту событий. Одна из них степенно обошла лужу по кругу, точно так же, как недавно галка, рассматривая её то одним, то другим глазом, и, попробовав лапкой воду, громко каркнула и взлетела на ближайшее дерево. Вся её компания тотчас загорлопанила и улетела на то же дерево. Оттуда они смотрели на галок, и, как будто насмехаясь, о чем-то переговаривались меж собой. Они буквально «хохотали» над неразумным бахвальством галки, прыгнувшей в ледяную воду лужицы! Галки же, посмотрев друг на друга, вдруг одновременно поднялись в воздух и улетели, словно не выдержав вороньих насмешек.

С детства я немного побаивалась и недолюбливала ворон. Наверное, из-за того, что в сказках в ворону часто превращались злые и страшные ведьмы. Но, со временем, страх мой уступил место интересу. Пришлось мне наблюдать, однажды, как ворона поделилась отнятой у галки булкой со своей соплеменницей. Более того, она, предусмотрительно придерживая лапой снесь, сначала пригласила громким карканьем подругу, и, похоже, с удовольствием делила с ней добычу! Я знала о сварливом характере этих птиц и много раз видела, как вороны и галки воруют прямо из-под носа еду друг у друга, но то, что они могут делиться, меня сильно удивило.

Еще одно происшествие заставило меня взглянуть по-иному на этих неприглядных птиц. Однажды, когда я работала в школьном лагере, одна девочка утром прибежала на зарядку вся в слезах. На мои расспросы о том, что произошло, она отвечала, что её клюнула ворона в голову. Оказывается, когда малышка шла в школу, она увидела под кустом вороненка и решила взять его на руки. Тотчас прилетела целая стая и они стали с громким криком летать вокруг девочки. Одна ворона, осмелившись или отчаявшись, села ребенку на косичку и клюнула в голову. Девочка испугалась, бросила птенца и убежала. Так вороны

спасли своего детеныша. А ведь даже ребенок для птицы кажется огромным непобедимым существом! Кстати, воронят, оставшихся хотя бы без одного родителя, выкармливает и опекает вся стая.

Когда начинаешь пристальнее всматриваться в повседневность, то видишь неожиданно- необычное в окружающих тебя обычных вещах. Например, как стая обычных галок «танцует» в воздухе. Когда дети мои были маленькими, я выходила на прогулку с ними в одно и то же время— с пяти до семи вечера. И вот, однажды, сын сказал: «Мама, смотри, птицы в небе нас приветствуют, всё время выстраивают в воздухе разные фигуры! Я остановилась и посмотрела вверх. Действительно, стая, только что севшая на дерево, взмыла в воздух, и, как будто заранее отрепетированное, началось «выступление»: то по небу, расставив крылья, неслась фигура «большой птицы», то «самолет», то «ракета», то «бублик», то «треугольник», то птицы выстраивались в одну линию! Я глазам своим не верила! Несколько дней мы специально наблюдали за этой стаей. Результат наших исследований просто шокировал: птицы, действительно, каждый день повторяли свои «танцы», как мы их назвали. Казалось, невидимый хореограф отсчитывал такты для прилежных учениц под не слышную нам музыку!

Много различных легенд и поверий связано с воронами и галками. У одних народов они считаются приносящими дурные вести, нечистыми птицами, у других- вестницами светлых дней и покровительницами младенцев и женщин, хранилищем мудрости и повелителями стихий.

Вороны и галки относятся к широко распространённому семейству птиц отряда воробьинообразных, включающих в себя такие виды, как чёрная и серая вороны, грач, галка, сойка, обыкновенный ворон, обыкновенная и голубая сороки, кукушка. Питаются преимущественно насекомыми, отчасти зёрнами. Обладают весьма высоким интеллектом, сравнимым с высшими приматами. Из-за этого становятся объектом исследования учёных.

«Интеллект их выражается в понимании механики процессов, происходящих как в природе и в специально создаваемых учёными тестах, и в использовании одного или нескольких орудий труда для достижения съедобной цели. Многие виды используют свои способности только в неволе, но есть и такие, которые пользуются инструментами и в природе. Изготовленные орудия ворона может забирать с собой, пользуясь ими в дальнейшем», -так написано об умственных способностях воробьинообразных в энциклопедии.

Вороны догадываются бросать грецкие орехи под колёса автомобилей и подбирать раздавленный орех. Молодые птицы часто играют в сложные обучающие игры, в том числе и коллективные, требующие определённого интеллекта. Например, они подбрасывают веточки в воздух и стараются их поймать, ложатся на спину и перебирают какой-либо предмет ногами и клювом, совместно играют в игру наподобие «царя горы»: пытаются столкнуть друг друга с определённого места, удерживая какой-либо предмет в клюве, летают и сталкиваются с другими птицами до тех пор, пока предмет не упадёт. Известна еще одна разновидность догонялок. Птица берет в клюв камешек и улетает, а другие пытаются ее догнать. Главное – увернуться от сородичей, отобрать у них камешек и поскорее улететь подальше, чтобы надежно спрятать его в тайниках.

Однако, я читала, что самое необычное для этих птиц развлечение – игра в футбол! В литературе описаны случаи, когда любители игр перекидывали друг другу мячик. Иногда вороны не могут найти партнеров по игре и пинают мяч в одиночестве.

Эти птицы способны просчитывать наперед действия окружающих и соответственно корректировать свои. Вороны могут долго парить в воздухе, делать сальто и даже немного летать вверх ногами. К слову, это единственное не млекопитающее, способное узнать себя в зеркале. Известно, что у них были обнаружены тщательно продуманные социальные ритуалы, включая выражение печали. Так, в литературе описаны случаи прощания птиц с погибшими членами своей стаи. Вороны сначала стояли рядом, низко опустив головы, потом громко кричали и все вместе взлетали высоко в небо.

Я видела, как на крышке от бутылки из-под кефира ворона с удовольствием спускалась с ледяной горки! А потом с не меньшим удовольствием тащила её наверх. Вся её фигурка выражала при этом полнейший восторг! Известны случаи, когда эти птицы делали себе «санки» из коры деревьев и пользовались ими неоднократно! Вместо горок и крыш птицы могут без зазрения совести использовать машины. Зимой они залезают на крышу автомобиля и кубарем скатываются вниз. Но самое смешное, что я видела— это, когда ворона разгонялась и с залихватским видом каталась по льду, опираясь на хвост!

Эти птицы очень заботливы, если какая-то ворона поранилась или повредила крыло, они ухаживают за ней вплоть до выздоровления.

Известно, что они способны запоминать и передавать информацию через поколения. В основном такое наблюдается в случае обиды. Имеется подтверждение, что спустя несколько лет, и, преодолев сотни километров, стая ворон прилетала к обидчику! Кстати, узнав о семействе врановых много интересного, я даже стала иногда думать о том, что их задиристый характер частично объясняется сверхзаботой о своей семье. Может, это их своеобразная защитная реакция?

Вороны – преданные птицы, если они нашли своего самца или самку, то строят с ним семью, растят детей и живут вместе всю жизнь. Когда один из них умирает, второй не ищет себе новую пару, а доживает в одиночестве.

Так за что я раньше не любила ворон и галок? Неужто только за их «некрасивость и неприятный голос»? А, может, на мое мнение так влияло стереотипное негативное отношение в нашем обществе к этим птицам? Знакомая говорит, что от них много мусора и грязи. Да ведь не более, чем от других птиц, к которым лояльно относится большинство. Мои размышления привели ещё и к мысли, что в жизни бывает часто так, что красивых внешне людей наделяют мнимыми добродетелями, а вот не ярких –нет. А между тем, внутренний мир влияет на внешнюю красоту, а вот внешняя красота без душевного света не является признаком добродетели.

И еще о том я подумала, что много мы не знаем об окружающем нас мире, о нашей планете. А ведь знание может помочь нам увидеть и услышать своё сердце! И надеюсь, поможет сохранить природу, которая кому-то кажется обыкновенной и ничем не примечательной, а на самом деле, при ближайшем рассмотрении, очевидность эта лишь является непознанной верхушкой айсберга под названием «жизнь»!

О том, как рыбки лисичку перехитрили

Жила-была в одном лесу маленькая лисичка. И все бы ничего, да вот одна беда, уж очень она была любопытная. Все-то ей было интересно знать: почему у зайца уши длинные, почему медведь лапу сосет зимой, зачем дятел по дереву стучит. Везде маленькая лисичка свой любопытный носик засунет, за что и попадало ей иногда. Вот однажды проснулась она рано утром от странных звуков: шлеп да шлеп. Прислушалась лисичка, ушки наострила. Опять слышит: шлеп да шлеп. Вскочила она и к реке побежала. А там две маленькие рыбки плещутся. Выпрыгивают они из воды и по очереди о воду шлепаются. Вот и получается – шлеп да шлеп. Смотрела на них лисичка, смотрела, да и спрашивает:

– Что это вы, рыбки, делаете? Зачем из воды выпрыгиваете?

Решили рыбки над лисичкой подшутить, высунули головы из воды и отвечают:

– А это мы летать учимся.

– Как так? Разве рыбы летают?

– Еще как летают. Вот научимся и полетим в теплые края, – отвечают те, посмеиваясь над глупенькой лисичкой.

А той и невдомек, что рыбки над ней шутят.

– А что же вы там, в теплых краях, делать будете? – опять спрашивает маленькая лисичка.

– Известно что! В гостях у рыб побываем, в магазины ходить будем, всяких нарядов себе накупим.

Почесала лисичка за ухом и подумала, что и ей хочется в теплые края слетать, посмотреть, как там лисы живут, в магазины сходить, новую шубку к зиме купить. Вот и стала она просить рыбок:

– Научите и меня летать. Полечу я тогда вместе с вами.

– Так и быть, – отвечают они, – забирайся к нам в воду, будем вместе летать учиться.

А лисичка воду не любила. Только в крайнем случае в нее забиралась. Да и то после долго отряхивалась и вылизывалась. Поморщилась лисичка, да делать нечего, уж больно хочется вместе с рыбками полететь. А они нарочно еще выше прыгать начали. Выпрыгнут из воды, блеснут чешуей на солнышке, будто дразнятся, и опять в воду шлепнутся.

– Ишь, распрыгались! – думает лисичка. – Ну, да и я так сумею. И в воду полезла.

А рыбки над ней еще больше потешаются:

– Давай, лисичка, смелей!

Вошла лисичка в воду, только лапки намочила, а уж ей обратно хочется. Вода-то мокрая, прохладная.

– Так не научишься, – кричат ей рыбки, – надо глубже зайти.

Шагнула лисичка еще шагжок, вода уже по колено. Мокро ей, противно, а резвые рыбки не унимаются:

– Так у тебя ничего не получится. Ты по шейку зайди.

Решилась лисичка и еще шагжок шагнула, теперь вода до самой мордочки достает. Подняла лиса нос вверх, усы мокрые в разные стороны торчат, и спрашивает у рыбок.

– Теперь хватит?

– Хватит–хватит, – хихикают те. – Вот теперь прыгай вверх, лапами маши да хвостом помогай, глядишь полетишь. Как научишься, нас позови.

Сказали так рыбки, плеснули хвостиками по воде и уплыли. А лисичка не сдается. Прыгнула она разок, другой. Ничего у нее не получается. Шерсть намочла, тяжелый хвост ко дну тянет. Испугалась она, стала барахтаться, воды с перепугу нахлебалась.

В ту пору по берегу реки медведь прогуливался. Увидел он лисичку в воде, удивился:

– Сколько себя помню, лисы плавать не любили. Что это ей вздумалось? Эй, лисичка! Что это ты там делаешь?

А та, хоть и нахлебалась воды, все ж отвечает:

– Летать учусь.

А у самой уж один нос из воды торчит. Покачал косолапый головой, решил поглядеть, что дальше будет. Прыгала–прыгала рыжая, совсем под воду ушла. Делать нечего, пришлось медведю спасать глупую лисичку, вытаскивать на берег. Отдышалась она, глаза открыла. Видит: перед ней морда медвежья. Удивляется лисичка:

– Вот чудеса! Оказывается, в теплых краях лисы на медведей похожи.

– Еще бы немного, – засмеялся медведь, – и они бы у тебя были на рыб похожи. Зачем же ты в воду забралась, глупенькая?

– Любопытно мне стало, как это рыбы в теплые края полетят.

– Эх ты, любопытная Варвара, – потрепал ее по уху медведь. – Подшутили над тобой рыбки, а ты и поверила. Впредь умнее будешь.

Вдохнула маленькая лисичка и побрела подальше от воды, на солнышке греться.

Жила–была Муха

Жила-была Муха. Не похожа она была на своих сестриц, надоедливо жужжащих мух, от которых все сердито отмахивались и прогоняли прочь. Наша Муха была тихой и любопытной. Залетела она как-то в один дом да и осталась в нём жить-поживать. Хорошо ей жилось с дружной семьёй. Любила она, усевшись на окне с белыми кружевными занавесками слушать разные истории, любоваться праздниками и тихими семейными вечерами, когда все собирались дома. А люди и не прогоняли её. Никому не мешает, не надоедает своим жужжанием – пусть живёт.

Прожила так Муха всю осень. Не заметила как и зима пришла. Привыкла она в тепле и довольстве жить. Перестала ценить уют да беззаботную жизнь. И вот в один прекрасный день, когда ударили первые морозы, и закружил белый снег, пришла вдруг в любопытную голову Мухи мысль: «А что это я всё дома да дома с людьми сижу? Вон за окном белые мухи летают. Полечу к ним, познакомлюсь. Узнаю, где они такие красивые белые наряды раздобыли?». Подумала она так и вылетела в открытую форточку. Подхватил её ледяной ветер, закружил в снежном вихре. Только и мелькнул вдалеке уютный дом да окошко с белыми кружевными занавесками, на котором жила Муха и горя не знала. Холодно ей стало. Пожалела она: «Ах, глупая я, глупая! Счастья своего не ценила».

Да и белые мухи-то вовсе не мухами, а снежинками оказались. От них ещё холоднее стало. «Что же это я крылышки опустила? Так и замёрзнуть не долго!» – испугалась Муха. Стала она изо всех сил маленькими своими крылышками махать, обратно к дому лететь. Увидел Мороз муху зимой, удивился. «Что это ей в тепле не сидится?» – думает. Хотел он было её проучить. А когда увидел, как она старается да ему, Морозу, сдаваться не собирается, не стал её морозить. Больше того, ветерком помог быстрее до дома добраться. А та и рада. С ветерком-то в миг до родного окошка долетела. На её счастье люди форточку открыли – свежего воздуха в дом пустить. Обрадовалась Муха, залетела в тёплый дом, что много дней её согревал. Зажужжала радостно. А потом уселась на любимое окошко с белыми кружевными занавесками, лапки друг о дружку потёрла и подумала, что лучше дома родного нет ничего на свете.

Носки

Наталья Степановна посмотрела на свои руки и провела ладошкой по пальцам:

– Устали, родные мои. Оно и понятно. Сколько пар теплых носков связали, всяко–разного для наших ребят упаковали.

Она повела плечами, разминая затекшие лопатки. Спина, жалобно заныла, требуя отдыха.

– И ты туда же! – проворчала женщина, разогнув поясницу, ставя в коробку очередную пару окопных свеч. – Никто о тебе не забыл. Ничего–ничего, скоро домой. «Примем ванну... выпьем чашечку кофе», – вспомнилась вдруг крылатая фраза из фильма «Бриллиантовая рука».

Она усмехнулась:

– Ну да–ну да. Будет тебе и какава с чаем.

За мыслями и работой женщина не заметила, как к ним в церковный подвал, оборудованный под мастерскую по пошиву... да что там по пошиву... По сборке и упаковке вещей, пошиву антидроновых одеял, нижнего белья и всякого другого нужного, вошел паренек. Он окинул удивленным взглядом неожиданно большой цех. Здесь собрались «не слишком юные женщины». Бабушки и прабабушки довольно споро управлялись с работой. Одни сшивали на машинке спальные и футболки. Умелые руки других плели маскировочные сети. Третьи перетаскивали на склад упакованные коробки. Он поздоровался. Не прерывая работы, труженицы «Самарского тыла» приветливо отозвались.

– А кто у вас носки вяжет? – громко спросил он.

– Носки–то? – улыбнулась в ответ одна из женщин, ловко вплетая в сеть коричневую полоску. – Так это Наталья Степанна наша. Слыш, Наташ? По твою душу молодой человек. Про носки интересуется.

Круглолицая женщина небольшого роста, с убранными в хвост темно–каштановыми волосами и одетая в теплый красный свитер, обернулась и вопросительно вскинула брови:

– А?

Глянула на парня и цепким взглядом безошибочно определила в нем воина. «Совсем недавно оттуда», – отметила она.

– Принимай гостя, Наталья. Молодой человек к тебе пожаловал.

– Молодой?! Ко мне? Это хорошо, – встрепенулась та, пряча за улыбкой невеселые мысли. – Люблю молодых! Помочь чем?

Парень подошел к ней и улыбнулся.

– Уже помогли, Наталья Степановна. Зашел спасибо вам сказать. За носки.

Она замерла. Комок в горле заставил дрогнуть голос:

– А... Это мы всегда пожалуйста. Могём и ещё выдать, раз понравились. Какой размерчик?

– Они мне жизнь спасли, – серьезно добавил парень.

Улыбка Натальи Степановны застыла. Несколько раз взволнованно моргнув, посмотрела на него влажным взглядом. Взглядом, который он вряд ли когда–то забудет. Столько в нем было теплого, заботливого, материнского. А ещё чего–то такого, что помогает им с парнями там...на фронте. Когда подкрадывается в ночи жгучая тоска по дому. Когда вжимает в землю ударная волна и кажется вышибает из тебя дух. Когда...Он сглотнул, стараясь запомнить, забрать с собой этот взгляд карих глаз. Дернулся кадык.

– Расскажешь? – тихо спросила Наталья Степановна и, быстро глянув на подруг по цеху, крикнула: – Девочки, у меня перерыв на чай с вареньем.

Потом заспешила в небольшую кухню, слегка покачиваясь из стороны в сторону. Щелкнула кнопка. Зашумел электрочайник. Она обернулась:

– Пойдем! Или торопишься?

– Да я, в общем–то, на минутку, – помедлил он.

– А мы, итак, на минуточку, – улыбнулась Наталья Степановна. – Вон меня сколько ещё к упаковке свеч ждет. Идем, говорю.

– Иди–иди, – подбодрила одна из мастериц. – Нашей генеральше не отказывают. Уговорит любого.

Он улыбнулся в ответ и согласился.

Скоро они сидели за небольшим столиком. В вазочке – тюльпаны. В рамке на стене – «Тайная вечеря». Наталья Степановна суетилась, выставляя перед ним все, что было на их незатейливой кухне: смородиновое варенье, мед, вафли, сушки. В чашках уже дымился заваренный чай. Кухонька дарила ему почти домашний уют. Здесь все было какое-то настоящее, искреннее, родное. И то ли от заботливой суеты женщины, то ли от смеси ароматов ладана и душистого чая, то ли от всего сразу, ему вдруг стало так хорошо, как давно не было.

– А чего это они вас генеральшей зовут? – поинтересовался парень, зачерпнув ложечкой тягучий цветочный мед.

– А, это, – улыбнулась она, отхлебнув горячий чай. – Да у нас здесь и теперь холодно, а зимой и вовсе не жарко. Вот и пришла я однажды во флисовом военном костюме. Захожу – девчонки так и замерли. Погонов, говорят, не хватает. А я капитан медслужбы запаса. Погоны никогда не носила. Но с той поры меня так и зовут генеральшей.

Они пили чай и разговаривали обо всем подряд. Наталью Степановну интересовало все. Хватает ли одежды? Удобно ли чувствуют себя ноги в носках и берцах? Не жестко ли спать на полу в спальниках? Посчастливилось ли ему попробовать того вкусного, настоящего меда, что они отправляли в том году? Да много чего... Неожиданно она замолчала, глянула на него и спросила:

– Про носки-то расскажешь?

Он покачал головой:

– Да ни к чему это. Главное – они спасли мне жизнь.

Провожая его, Наталья Степановна сунула ему в руки какой-то сверток. Это были носки. Совсем как те, которые жизнь спасли. Признаться он жалел, что медики выбросили их, вместе с погоревшими берцами. Эти были новыми. Они пахли шерстяной пряжей и хранили тепло заботливых рук Натальи Степановны.

– Спасибо вам.

– Храни тебя Бог, – обняла она его и по-матерински перекрестила на дорогу.

Морепплаватели

...Дети принялись за работу. Они пыхтели и кряхтели, но дело продвигалось очень медленно из-за их снаряжения. Серёга спотыкался из-за ласт. Юльке мешал чемоданчик и очки, которые все время спадали с носа. Стасика почти не было видно под огромным плащом, накрывшим его с головой.

– Фух, – откинул он надоевший капюшон. От натуги лицо его стало красным. – Так дело не пойдёт. Нужна помощь.

– А вот и она, – сказала Юлька.

– Кто?

– Помощь, – девчонка указала на Юрку. Тот только что вышел из подъезда и, щурясь от солнца, жевал яблоко.

– Эй, обжора, идём сюда, – крикнула Юлька.

Юра увидел ребят и, метко бросив огрызок в чьё-то оставленное ведро, вприпрыжку побежал к ним.

– Чего это вы тут делаете? – весело спросил он.

– В морепплавателей играем, – за всех ответила Юля. – Я врач.

– А я капитан, – гордо добавил Стасик.

– А я аквалангист, а ещё помощник капитана, – добавил Серёжка.

– А это что? – указал на дверь Юра.

– Корабль. Видишь, мы его на воду спускаем. Давай-ка, помоги нам.

– А кем я буду? – опять спросил Юра.

– Юнгой, – решил Стас.

— Это почему юнгой? Я может, боцманом хочу. Или этим, как его? Который на мачте сидит и кричит: "Земля!".

— Ладно, будь, кем хочешь, только помоги спустить корабль, а то мы уже взмокли.

Освободившись от снаряжения, ребята все вместе принялись тащить свой "корабль". Скоро он плюхнулся в "море", окатив всех брызгами.

— Да, — озадаченно почесал в затылке Стас. — Что-то беспокойно море. Вон как волны разыгрались.

— Думаешь, будет шторм? — спросил помощник капитана Серёжа.

— Что же, значит не плавательная погода? — огорчился Юра.

— Как это не плавательная? Очень даже плавательная. Или мы не отважные мореплаватели? — возмутился Стасик. — Грузите вещи на корабль.

Вещи погрузили очень быстро. Все залезли на дверь-корабль. Стас, так как он был в резиновых сапогах, оттолкнулся от берега. "Корабль" качнулся и поплыл.

— Эй, юнга! — закричал капитан. — Проверь шестом дно.

— Я не юнга, — опять возмутился Юра.

— Все равно проверь.

Юра опустил палку в воду. Лужа оказалась достаточно глубокой — по колено.

— Здесь мели нет, — сообщил он капитану.

— Отлично!

Стасик посмотрел в подозрную трубу, свёрнутую из газеты.

— Справа по борту пиратский корабль! — закричал Стас.

— Пиратский корабль?! — удивились все. И всем сразу же захотелось посмотреть на него в подозрную трубу.

Первой её выхватила Юлька, у которой терпения было меньше, чем у других. Увидев, справа по борту плывущую дощечку, она пришла в восторг и заскакала по палубе.

— Ура! Вижу пиратский корабль!

— Посмотрела, дай другим, — отнял трубу Юрка.

— Что будем делать, Стасик? — спросила Юлька.

— Что ещё за Стасик? Я капитан, а не Стасик. Ясно?

Это было ясно всем. Капитан ещё раз посмотрел в трубу и сообщил:

— Они собираются нас атаковать. Будем принимать бой!

— Ура! — завопила ребятня.

Дети заскакали на двери, отчего та почти вся ушла под воду. Брызги полетели во все стороны. Это привело друзей в ещё больший восторг.

— Пираты стреляют из пушек! — кричала Юлька.

— Приготовиться отражать нападение! — командовал капитан. — Орудия к бою!

— Стреляй в них! — скакал Юрка.

Дети так раскачали "корабль", что тот почти затонул. Особенно погрузилась в воду правая сторона, на которой лежал рюкзак с продуктами.

— Осторожно! Припасы тонут! — закричал Серёжка.

Он смело бросился спасать рюкзак, но, не удержавшись, плюхнулся в воду. По луже пошла большая волна.

— Человек за бортом! — закричала Юлька.

Ребята втащили Серёжку обратно. Наступила тишина. Серый сидел на мокрой двери. С него ручьями стекала вода.

— От мамы, наверное, влетит, — нарушила тишину Юлька.

— Это точно, — подтвердил Серёжка. — Ладно, навоевались. Я домой пошёл.

Он слез с "корабля", вброд перешёл "море" и направился к подъезду. Ребята молча следили за ним. На полпути Серёга остановился и обернулся к друзьям. Лицо у него было грязным и счастливым.

— А всё-таки здорово сплавали! — крикнул он.

Все засмеялись и бросились его догонять. Они вымокли. И каждого из них, наверное, ждало наказание. Но что могло быть прекраснее такого путешествия?

Про мокрую тряпку и настоящую дружбу

Школьные дни понеслись вприпрыжку. Совсем как Серёжка с друзьями, бегущие наперегонки на улицу. И кто придумал, что учиться это скучно? В Серёжином классе скучать было некогда. Чего только ни случалось у них каждый день! Конечно, они, как все первоклашки, учились читать. Старательно выводили в прописях всякие крючочки–закорючки. От этого занятия у Серёги почему–то всегда сам собой высывался язык. И зачем, спрашивается? Хохотушка Юлька непременно начинала хихикать над ним. А однажды от смеха даже свалилась со стула, и учительница написала ей красной ручкой замечание в дневник.

К слову сказать, записей этих теперь хватало у всех Серёжиных друзей. И у него самого тоже. Дело в том, что их Марина Юрьевна заболела. А вместо неё пришла злющая и худющая, как спичка, учительница пятых классов, Эраида Станиславовна. Она была совсем не похожа на Марину Юрьевну. Одежда их любимой учительницы всегда была светлой и нарядной. Эраида же Станиславовна одевалась в строгий тёмно-зелёный костюм и носила брошь в виде совы. Ребята побаивались и желтоглазую сову с блестящими глазами, и саму учительницу. Учительский взгляд из–под очков пронизывал их насквозь, заставляя вжимать голову в плечи и мечтать снова стать маленькими.

Громко стуча каблуками, она входила в класс со словами: «Закрыли рты, открыли прописи!» А когда звенел звонок на любимую ребячью перемену, и Серёжины одноклассники вскакивали с мест, она громко хлопала в ладоши и говорила: «Звонок не для вас, а для учителя!»

– А для нас скоро будет? – не выдержал однажды Стасик.

Он–то и получил первую красную запись в дневник. Сначала эти записи очень огорчали Серёжку. От них дневник, конечно, был гораздо красивее, вот только мамыны голубые глаза становились серыми и грустными. Серёга обещал исправиться. Но как на зло, учительница снова и снова придумывала новые правила.

– И когда только у этой Эраиды Станиславовны правила закончатся? – возмущалась Юлька на перемене, сердито откинув за спину растрепавшиеся косички. – Что я виновата, что не смогла быстро найти учебник?

«Букварь давно пора знать в лицо!» – скривив губы, передразнила она учителя. – Откуда у Букваря лицо, спрашивается?!

Юлька дрыгнула ногой, свернула руки калачиком и отвернулась от ребят.

– Да ладно тебе, – попробовал успокоить её Серёга. – У Стасика вон вообще написано, что он краски лизал.

– Ну и лизал, – усмехнулся тот. – А зачем же их медовыми делают?

– Врёшь? – не поверил Юрка, доставая из ранца яблоко с красным бочком.

– А вот и нет. На них так и написано: «Краски медовые акварельные». Вот я и лизнул. А они, между прочим, сладкие!

– Сладкие?! Надо попробовать, – резко обернулась Юлька, и её косичка с толстенной резинкой на конце хлестнула Юрку по лбу.

– Ай! – схватился он за лоб и выронил яблоко. – Хватит уже махать своими крысиными косичками туда–сюда. Яблоко из–за тебя уронил. А я его, между прочим, всего разочек откусил.

– Крысиными?! – взвилась Юлька. – Ах, ты яблокогрыз!

– Торпеда! – огрызнулся Юрка и на всякий случай отступил подальше. Кто её знает, эту Юльку, что вытворит, когда злая? И правильно сделал. Потому что девчонка в гневе была страшна. Вот и теперь, пробежав взглядом по классу, она остановилась на мокрой и

белой от мела тряпке, лениво развалившейся на полочке. У доски было много ребят. Девчонки рисовали смешные рожицы и глупо хихикали над ними. Мальчишки что-то писали кривыми печатными буквами. Читать злючке было некогда. У неё была цель – ТРЯПКА! Юлька зловредно улыбнулась. Проследив за её взглядом, Юрка испуганно вытаращил глаза.

– Ты чего, Юлька? Даже не думай! Меня мамка приберёт, если вымажу костюм!

Но девчонку было не остановить. Лихо подскочив к доске, она растолкала одноклассников, схватила тряпку и тут же запустила в бедного Юрку. Не дожидаясь своей участи, тот сорвался к двери в коридор. Но на самом пороге вдруг споткнулся и растянулся во весь рост. А противная мокрая тряпка, смачно чвакнув, врезалась прямёхонько в лоб входившей в класс Эраиде Станиславовне и безвольно упала ей под ноги. Сова на груди учительницы зловеще сверкнула глазами. От неожиданности учительница, вскинув руки в стороны и тоненько взвизгнула. Тех, кто был у доски, словно ветром сдуло. Все замерли и посмотрели сначала на перепуганную Юльку. Потом – на растянувшегося у ног учительницы Юрку. И, наконец – на покрасневшую от злости Эраиду Станиславовну с белым пятном на лбу. В классе повисла тишина. Первым пришёл в себя Юрка. Поднявшись на четвереньки, он медленно попятился назад.

– Стоять! – словно дрессировщик в цирке, крикнула учительница, не сводя взгляда с перепуганной Юльки.

Юрка послушно замер с поднятой ногой.

– Ой! Эраидочка Станиславовна. Простите, пожалуйста. Я совсем не в вас метилась. А Юрка... – затараторила девчонка.

– Не в меня? – тихо проговорила та, перешагнула через замершего Юрку и медленно двинулась в Юлькину сторону. – Какая жалость.

– Не–не–не, – замотала головой девочка. – Точно не в вас. А можно я пойду домой. У меня живот боли-и-ит, – скрючилась она, схватившись за живот.

Но номер с больным животом у Юльки с треском провалился.

– Живот болит? А–я–яй, – с деланным сочувствием покачала головой Эраида Станиславовна.

– Зачем же тогда ходить одной? – хищно, словно кошка, улыбнулась она. – Мы сейчас твоих маму с папой пригласим. Вместе с родителями твоего друга. Правда, Юра?! – перевела взгляд на побелевшего Юрку учительница.

Серёжка представил Юркину маму в школе и скосоротив губы в сторону Стасика, сидевшего рядом, прошептал:

– Надо выручать Юльку с Юркой. Если его мама сюда придёт, она всю школу разнесёт.

– Ага, – зашипел в ответ Стасик. – Сейчас, что–нибудь придумаю.

Но придумывать не пришлось. Прозвенел звонок. Первоклашки за дверью с шумом разбежались на уроки по кабинетам... *(конец отрывка)*

Светкина любовь

... Игорек быстро влился в дружный первый отряд. Ольга Ивановна была права. С ним они, действительно, заняли первое место в «Веселых стартах», да и в «Зарнице» победили бы, если бы один из ребят не проболтался соперникам, где спрятан флаг. На дискотеке Игорь не перетапывался на месте, как остальные пацаны. Танцевал так, что Ирка зубами скрипела от злости, а девчонки томно вздыхали и строили глазки. Каково же было их удивление, когда на медленный танец он пригласил не кого-то, а Светку Короткову. Едва она поняла, что он идет прямо к ней, красивый и статный, глазам не поверила, засмушалась. Сердце чуть не выпрыгнуло от волнения. Чтобы не выдать его оглушающий стук, девчонка опустила взгляд. Но Игорек подошел именно к ней.

– Потанцуем?

– Давай, – едва сумела отлепить присохший от волнения язык Света.

Потянувшись вверх, она опустила ладони на крепкие плечи парня и почти одновременно почувствовала, как его руки обхватили её талию. Он был намного выше нее. Она вскинула голову и встретила с его взглядом. Голубые, с мелкими карими крапинками, глаза. Таких она ещё не видела. Игорь был так близко и смотрел только на нее. Света смущенно отвернулась, и восторженная, почти детская улыбка озарила лицо.

С этого момента монотонная жизнь в лагере заиграла для Светки новыми красками. И на дискотеки она теперь летела с мечтами о медленных танцах с Игорьком и... об их первом поцелуе. К тому же девчонки каждый вечер выспрашивали, было у них что-то или нет. Ночами Света думала, как это будет, вспоминала кадры из фильмов, восхищенные пересказы девчонок о том, как они целовались с мальчишками. По всему выходила сплошная романтика. И вот однажды, во время медленного танца, Игорек вдруг незаметно увел Свету к краю танцплощадки. Она затаила дыхание: «Неужели сейчас?»

– Идем, – шепнул он, склонившись, и горячее мальчишеское дыхание спугнуло её взволнованные мурашки.

Схватив Свету за руку, он утащил её в ночную темноту высоких кустарников. Все было как в самых романтических фильмах: звездное небо над головами, свет луны, просачивающийся сквозь листву, играющие на своих нежных скрипках сверчки и волнение, стеснившее грудь. Вот сейчас! Сейчас он поцелует её...

Светлана улыбнулась своим воспоминаниям и вновь с удовольствием погрузилась в них. Первый поцелуй оказался совсем не таким, как она ожидала. Все случилось резко. Игорь сгреб ее в охапку и принялся неумело облизывать Светкины губы, что-то горячо шепча и прижимая к своему напряженному телу. На смену ее удивлению пришло разочарование. Ей было мокро, противно, слюняво. Но она терпела, боясь выдать свои ощущения.

Никогда ещё Света так не радовалась хриплому объявлению громкоговорителя, прозвучавшему так вовремя:

– По лагерю имени Гая объявляется отбой. Всем спокойной ночи.

Игорек оторвался от вспухших Светкиных губ. Она тут же выскользнула из мальчишеских объятий и скрылась в темноте позднего летнего вечера. Мысли стучали в голову: «Так вот как это бывает! Но почему все врал, что это так приятно, что кружится голова? Или это я напридумывала себе бог знает чего, поверила в рассказы девчонок. На самом деле, все так, как было сегодня?» Она не помнила, как домчалась до корпуса, как ошалело влетела в комнату и, прижавшись спиной к двери, замерла.

– Ну? – облепили Светку девчонки. – Теперь-то было?! Целовались?

– Было, – пролепетала она.

– И как?

Света рвано выдохнула и оглядела девочек.

– Да отстаньте вы! – растолкала она их, рухнула на кровать лицом в подушку и расплакалась.

В комнате успокоились не скоро. Еще долго обсуждалось случившееся, строились версии. Любопытные девчонки трясли её за плечо и спрашивали-спрашивали. То здесь, то там раздавался шепот. Но она молчала, и они отстали. Наконец, щелкнул выключатель. Комната погрузилась во тьму. Постепенно все угомонилось. Уже стихли разговоры в соседних комнатах. Стояла ночь. Светины мысли потекли спокойнее.

«Вот дура, – корила она себя, глядя в освещенный уличным фонарем потолок. – И чего я сбежала? Подумаешь, поцелуй не таким оказался. Что теперь Игорек подумает? Наверное, больше и не подойдет ко мне».

Но она ошибалась. Убедившись на следующий день, что с ней все хорошо, Игорь признался, что очень волновался. Что все было как-то не так. Он даже попросил прощения,

чего Светка совсем не ожидала. А ещё... да-да! Ещё он предложил ей встречаться. Это была мечта! И она, конечно, согласилась.

С этого дня Света с Игорем почти не расставались. Они сбегали вдвоем встречать рассвет. Вместе дежурили по столовой. В кино сидели рядом, и пальцы Игоря приятно переплетались со Светиными. Однажды они ходили ночью мазать зубной пастой девчонок. И Светка не удержалась, намазала ладонь противной Ирке и пощекотала травинкой её нос. Девчонка чихнула во сне и размазала пасту по лицу. Игорек и Светка выскочили в коридор и беззвучно хохотали, зажимая рты. А ещё было много дискотек и поцелуев. Но теперь они не казались девочке такими противными и даже нравились.

Смена пролетела, как один день. И как ни оттягивали они момент расставания, день выезда из лагеря все же настал. У автобусов была толчея. Вожатые пересчитывали детей, наперебой кричали, чтобы никто не забывал свои вещи. Девчонки и мальчишки, составив сумки и чемоданы в беспорядочные кучи, обнимались, шутили и смеялись. Кто-то плакал, не желая расставаться с лучшими подругами. Кто-то оставлял памятные записки с сердечками в тетрадках, альбомах и даже на одежде. Гера и вовсе стянул с себя футболку и подставил тело для памятных записей. Девчонки с хохотом столпились возле него и принялись писать пожелания и рисовать смешные рожицы. Мальчишка дергался и уворачивался от щекочущих стержней. Рядом младшие отряды распевали хором песни, выученные во время смены.

Игорь же и Света стояли в стороне от многоголосой какофонии и молча смотрели друг на друга. В их головах не укладывалась мысль о том, что вот сейчас они войдут каждый в свой автобус, и Игорь уедет в Тольятти, а Света – в Самару. И возможно, они больше никогда не увидятся. Ситуацию, как всегда, разрушила Ольга Ивановна. Зычным голосом возвестила она о посадке в автобус, чем вывела из тягостного молчания ребят. Светка испуганно обернулась на маму. Снова посмотрела на Игорька. Автобусы фыркнули, заворчали моторами, окутав всех выхлопными газами. Народ сорвался занимать места. Игорь схватил её руки в свои и горячо зашептал:

– Я найду тебя. Светка, я обязательно найду тебя. Слышишь?! Ты только подожди немного.

Она быстро закивала, глотая выступившие слезы, но так и не смогла ничего ответить. Он быстро чмокнул её в щеку, схватил её маленький чемоданчик, донес до автобуса и ушел. Она смотрела в окно, как он пробирается сквозь толпу ребят, как входит в свой автобус и садится у окна. Двери со скрипом захлопнулись, и Света вдруг очнулась, вскочила с места и прильнула к окну. На секунду ей показалось, что в глазах Игорька блеснули слезы. Он уткнулся лбом в стекло, глядя на нее. Светкин автобус дернулся и первым тронулся в путь, увозя её из лагеря, подарившего ей первую любовь и первый поцелуй Игорька – все, о чем она мечтала. Она надеялась, что впереди их с Игорем ждут письма и, может быть, даже встречи. А вдруг нет? «Он обещал меня найти, – упрямо сдвинула брови Света. – Обещал, значит, найдет!» *(конец отрывка)*

Важная цель

Маша и Ира о чём-то громко разговаривали в комнате, когда папа зашёл за книгой.

– А я у неё спрашивала, она не разрешила.

– А он?

– И он тоже. Что же теперь делать?

Папе Косте стало интересно.

– Машенька, Ирочка, расскажите, что вас так взволновало, может, я помогу?

Девочки переглянулись.

– Понимаешь, папочка, – начала Ира, – мы готовимся к Серёжиному дню рождения.

Ты же помнишь, он у Деда Мороза просил домашнего питомца, а вместо этого под ёлкой нашёл коньки. Серёжа очень расстроился, даже чуть не заплакал.

Папа закивал головой в знак согласия.

– У нас появилась важная цель: мы хотим это исправить в Серёжин день рождения, – вступила в разговор Маша, – я спросила у мамы кошки, которая живёт у наших соседей, отпустит ли она к нам жить своего котёнка Стёпу.

– И что она ответила? – поинтересовался папа, пряча улыбку в усы.

– Она не разрешила, даже зашипела на Машу, – ответила за сестру Ира.

– И поцарапала, – дочь показала папе руку, где краснела свежая царапина.

– А потом Маша во дворе увидела дяденьку, который гулял с собачками и их щенком. Он такой маленький, беленький, кудрявенький.

– Болонка, наверное, – вставил папа.

– Точно, дяденька так и сказал, – радостно отозвалась Ира, – Маша спросила у собачки-папы, не отпустит ли он к нам своего щеночка. Но он не согласился, а так громко залаял на неё, что дяденька сразу повёл собачек домой. И вот что теперь нам делать, даже не знаю.

В это время в комнату вошла мама, которая слышала весь разговор из коридора, где разбирала вещи в шкафу.

– Зато я знаю, надо спросить у мамы рыбок в зоомагазине, уж она-то точно отпустит своих деток жить к нам, – и мама очень выразительно посмотрела на папу Костю.

– Да, да, ведь рыбы всегда молчат. А молчание – знак согласия. Сегодня же пойду за аквариумом, – сказал папа, уже не сдерживая улыбки, – ну, что, кто со мной?

Ира и Маша вскочили с дивана и захлопали в ладоши.

– Это будет самый лучший Серёжин день рождения!

– Девочки, а вы у нас большие умницы, умеете ставить перед собой правильные цели, – похвалила дочек мама и улыбнулась.

Тюльпаны

Мы с братом наблюдали, как бабушка сажает рассаду и решили ей помочь. Взяли из коробки луковицы, посадили, каждый день поливали. Бабушку попросили к нашей грядке не подходить.

Когда из земли показались зелёные ростки, позвали бабушку.

– Вот это да! – всплеснула она руками. – Мои тюльпанчики взошли.

– Какие ещё тюльпаны? Это же лук.

Бабушка рассмеялась и рассказала нам, что бывают и цветочные луковицы. Так мы узнали, что тюльпаны вырастают не из семян, как некоторые цветы, а из луковиц.

Уж

Осенью мы ездим собирать грибы. Сначала трясемься в электричке, поёживаясь от утренней прохлады. Пока едем, глаза сами слипаются, под стук вагонных колёс снятся сны. Один раз мне снилось, что из моего дивана вылезает огромная змея, толстая, как папина рука. Вдруг она открыла пасть и как завизжит прямо мне в ухо: «Серёга, вставай! Приехали».

Я от страха вскочил и чуть не сбил с ног брата Лёшу, это он меня будил. А я ничего не пойму, где змея, почему передо мной два одинаковых смеющихся лица. В этот момент электричка как дёрнется, и я окончательно проснулся: мои братья-близнецы Володя и Димка еле удержались на ногах.

Грибов мы набрали много и вечером вернулись в город. Сумки и ведра оставили до утра на кухне.

И вот ночью я прихожу попить водички, а из ведра вылезает... змея.

Нет, конечно, не такая, как в моём сне. Но от неожиданности я как закричу. Вся семья сбежалась на кухню.

– Чего ты, Серёга? Это же уж, он и сам тебя боится, – папа взял его в руки и показал на два жёлтых пятнышка на голове, – если увидите такие пятна, похожие на ушки, знайте, перед вами неядовитая змея. Заполнил, Серёжа?

Теперь-то я знаю, как отличить ужа от ядовитой змеи.

Та самая табакерка

– Ааа! – прозвучало на всю квартиру.

Бабушка выронила вязание, а кот опрометью слетел с подоконника и заметался по комнате. Раздался звук падающего тела, потом он сменился недовольным бормотанием и шлёпаньем босых ног по полу.

– Баб, ну зачем ты меня вчера водила в этот дурацкий музей? – укоризненно прозвучал голос внука, появившегося в дверном проёме.

– Что случилось, Серёженька? – бабушка растерянно смотрела на мальчика, не понимая, причём здесь музей, куда они ходили смотреть выставку предметов быта императора Павла.

– Да притом, что мой сон был похож на фильм ужасов, – отозвался внук, почёсывая ушибленную ногу. – Я никогда не падал с кровати, а тут...

И он показал синяк, который начал медленно проявляться на ноге.

– А что тебе приснилось?

– Да чепуха какая-то, – стоило Серёже это произнести, как за окном пошёл дождь, прогремел гром, молния сверкнула так, что кот Дымок прыгнул мальчику прямо в руки.

Комнату окутал туман, а когда он растаял, Серёжа вместе с котом оказался посреди анфилады комнат, двери которых были раскрыты настежь. Мальчик повернул голову вправо, а там... на нарядном позолоченном столике горели свечи в канделябрах.

Вдруг послышался быстро приближающийся топот ног. Серёжа юркнул за толстые шторы, прижав кота к груди. Сердце мальчика бухало, как настенные бабушкины часы, каждый удар отзывался в ушах.

Сквозь узкую щёлку мальчик увидел, как мимо пробежали люди в военной форме, отблески свеч отражались на остриях их шпак. Через минуту в соседней комнате завопили, Серёжа услышал удары, словно кто-то всё время кого-то ронял на пол, послышался сдавленный вскрик. Потом тем же коридором прошли несколько человек, один из которых держал в руке окровавленную табакерку. До мальчика долетели его слова: «Смерть от табакерки – это, господа, как-то даже неприлично».

Через некоторое время, когда всё стихло, Серёжа выбрался из-за шторы, неловким движением опрокинув канделябр, стоявший на столике у окна. Кот воспользовался замешательством мальчика, вырвался из рук и помчался по коридору.

- Стой! – закричал Серёжа.
- Он бросился вслед за котом и... упал с кровати.
- Ааа! – прозвучало на всю квартиру.

Последний листок

Сморщенный коричневый листок слетел с дерева и медленно поплыл по воздуху, подхваченный холодным ноябрьским ветром.

– Эх, вот и последний улетел, – проводил его взглядом мальчик лет семи с рюкзаком за спиной.

– Да уж, теперь до первого снега в нашем дворе будет скукотень, – поддержал его товарищ, поддевая носком ботинка опавшие листья, которые дворник собрал в большую кучу.

- А давай устроим снегопад.
- Давай! – согласился товарищ.
- Тащи за мной.

Первоклассники набрали охапки листьев и взобрались на горку, что возвышалась посреди детской площадки. Они разбросали листья под весёлый крик: «Ура, снег пошёл! Скоро Новый год!»

Мальчишкам стало весело, они спустились с горки и уселись на качели, беззаботно болтая.

– Вот безобразники, – сердито сказала старушка, выглянув в окно, – дед, посмотри, что удумали соседские ребята, всю твою работу насмарку пустили, зря ты рано вставал и листья сгребал.

– Ничего, разберёмся, – ответил дед, доставая полушубок, меховую шапку и красный мешок, в который положил несколько мандаринов и конфет.

- Ты куда в таком виде?
- По прогнозу снег скоро пойдёт, – улыбнулся дед.

Через полчаса листья снова лежали в кучах, а довольные мальчишки уплетали мандарины и конфеты.

– Круто получилось, – сказал заводила, глядя, как летят первые снежинки, – правду дед сказал, это мы снег задержали.

- Ага, – подтвердил товарищ, доедая мандарин.

